

УЗБЕКСКАЯ. 79. Большой красивый дом, один из тех, что построены в Алма-Ате за последние годы и украшают столицу Казахстана. У ворот немолодой уже человек играет с маленькой девочкой. Обращаюсь к нему:

— Где тут четвертый подъезд? Мужчина несколько секунд внимательно смотрит на меня, потом уверенно говорит:

— К Балгаевым ход со двора.

— Почему вы думаете, что я к Балгаевым?

— А к кому же? — отвечает он вопросом на вопрос. — К ним часто ходят — люди известные.

То же самое не раз приходилось слышать в управлении Туркестано-Сибирской дороги и на Алма-Атинском узле. Стоило только упомянуть имя Джумагула Балгаева, как собеседник понимающе кивал головой: «А, тот самый! Как не знать! Интересный человек, да и дети его тоже. Замечательная семья».

И вот мы сидим в уютной светлой комнате, обставленной просто, но со вкусом. Глава семьи Джумагул Балгаев, которому на вид никак не дашь его семидесяти четырех лет, расположился в удобном низеньком кресле. Рядом на диване устроились его жена Бекслю и сыновья Абдрахман и Элис.

Беседа продолжается уже второй час. Медленно, с эпическим спокойствием Джумагул ведет свой рассказ. Он даже не подозревает, что говорит не только о самом себе, а о миллионах таких же простых, честных тружеников, как он. Если бы нужно было показать историю казахского народа за последние пятьдесят лет на живом примере, то лучшей иллюстрацией, чем судьба Джумагула Балгаева и его семьи, трудно было бы придумать.

Двенадцатилетним подростком пошел он в кабалу к богатому баю Жаныспаю. У баю были тысячные стада овец, коз и баранов, у Джумагула — ничего, кроме рваного бешмета и старого малахая. Зимой и летом, в

Счастье семьи Джумагула Балгаева

жару и холод пас Джумагул скот Жаныспая, получая за труд скудные харчи и пару баранов в год.

— Двадцать лет на баев работал, ничего не заработал, — с грустной улыбкой говорит Балгаев. — Жениться вздумал, калым платить надо, а где взять? Две руки и две ноги — больше ничего нет. Семь лет выкуп за невесту выплачивал...

— Ты Расскажи про дядю Усымбаю, — подсказывает отцу Абдрахман. И, повернувшись ко мне, поясняет: — Его дядя сорок лет мечтал жениться, но так и умер, не скопив денег на калым.

— Да, Усымбай совсем бедный был, — кивает головой Балгаев. — Один раз барашка заработал, продал на базаре, купил сафьяновые ичиги. Увидел бай, рассердился: «Как ты смеешь, ничтожный кедей, носить байскую обувь? Хочешь стать рядом с хозяином?». Взял камчу и побил дядю, а ичиги отобрал.

В поисках лучшей доли пришел Джумагул Балгаев накануне первой мировой войны на строительство железнодорожной линии Арысь — Пишпек. Но и здесь он нашел тот же произвол, ту же беспощадную эксплуатацию. Каждую субботу казах-землекоп ставил в ведомости против своей фамилии крестик, а получал ровно половину того, что заработал. Другая половина оседала в карманах подрядчиков, чиновников, артельных старост.

Так продолжалось до 1917 года. Но вот революционная волна докатилась и до глухих казахских степей. Как и во всей стране, на строительстве железной дороги проходили бурные митинги и собрания. Ораторы говорили до хрипоты. Каждый клялся, что он за народ. Как

разобраться, кто говорит правду, а кто лжет?

— Был у нас грузчик Муса Омурзаков, узбек, — вспоминает Балгаев. — Он говорил: «Ленин самый правильный человек. Большевики стоят за трудовой народ, идите за ними».

И Джумагул пошел за большевиками. Он вступил в партию Ленина, и партия, Советская власть подняли его, темного, забитого пастуха, к свету, к большой, яркой жизни.

— Жизнь моя — две половинки, — волнуясь, говорит старший Балгаев. — Одна черная, другая белая. До революции, как скотина, жил, ничего не знал, всего боялся. При Советской власти грамоте научился, человеком стал!

Тридцать лет проработал Джумагул Балгаев на железнодорожном транспорте, прошел большой и славный трудовой путь от простого землекопа до инспектора управления Туркестано-Сибирской дороги. Не раз его выдвигали на ответственные посты, избирали в состав городского и областного комитетов Коммунистической партии Казахстана. Он был членом ЦИК Казахской республики, а однажды даже ездил на партийный съезд в Москву. Как бесценную реликвию, хранит Джумагул фотографию двадцатисемилетней давности, на которой он, делегат XVI съезда ВКП(б), снят среди виднейших деятелей партии и Советского государства.

Много и честно потрудился Джумагул Балгаев на свой народ, на благо социалистической Родины. И Советская власть воздала ему по заслугам. Его грудь украшает орден Трудового Красного Знамени. Счастье, которое бедный казах долго и бесплодно искал в царской России, пришло в его дом только после свержения старого, экс-

плуататорского строя. Государство назначило ему персональную пенсию, помогло вырастить и воспитать детей.

У него три сына и две дочери. О детях Джумагул говорит с любовью и гордостью. Можно вполне понять чувство человека, который до сорока лет не умел даже расписываться, а все дети его получили среднее и высшее образование.

— Вот моя семья, — говорит Джумагул, показывая фотографию, которую мы здесь воспроизводим.

— Ну, сейчас отец начнет хвалиться Фатимой, — смеется младший сын Элис.

— Зачем хвалиться? — строго отвечает глава семьи. — Скажу, что есть.

Он, действительно, начинает говорить о старшей дочери, и глаза его теплеют. Фатима — любимица семьи. С детства у девочки проявились незаурядные музыкальные способности. Фатима блестяще окончила Алма-Атинскую консерваторию и была оставлена здесь преподавателем по классу народных инструментов. Как талантливая исполнительница казахских народных мелодий, она дважды ездила на международные фестивали молодежи и студентов, а на Берлинском фестивале была удостоена звания лауреата. Сейчас она не только преподает в консерватории, но и выступает

на сцене как артистка известного в Казахстане оркестра народных инструментов имени Курмангазы.

— Жаль, нет Фатимы дома, уехала на гастроли в Китай, — сожалеет отец. — А то бы она нам сейчас что-нибудь сыграла на кобызе.

Нет дома и второй дочери Зелихи, или, как ее зовут родные, Лели. В этом году она окончила Казахский государственный университет и выехала в свою первую геологоразведочную экспедицию. В последнем письме из Кустанайской области молодой геолог пишет, что довольна работой, и спрашивает, как дела у Малисы. Это — второй сын Балгаева. Он тоже учится в Казахском государственном университете и на том же геолого-географическом факультете, который окончила его сестра.

— А куда пойдет наш младший сыночек? — говорит жена Балгаева Бекслю, ласково поглядывая на Элиса, окончившего в этом году среднюю школу.

— Куда? На завод, — отвечает сын. — Поработаю два-три года, приобрету специальность, узнаю производство. Тогда и выберу себе дальнейший путь. Разве плохо?

Мать неопределенно качает головой. Неплохо, конечно, но она думала, что младший пойдет по проторенной дорожке — из средней школы прямо в ин-

ститут. Старший брат думает иначе. Он решительно поддерживает младшего.

— Правильно, Элис! Поработай на заводе или в депо, видней будет, куда дальше идти. А можно и учиться и работать. — Как ты? — спрашивает Элис.

— Да, как я, — отвечает ему старший брат.

Абдрахман Балгаев работает инспектором отдела кадров в тресте «Турксибтрансстрой». В то же время он — студент третьего курса Всесоюзного заочного инженерно-строительного института.

— Трудно учиться заочно, — говорит Абдрахман. — Работа и семья оставляют для занятий мало времени. Но что дается без труда?

— Верно говоришь, — утвердительно кивает головой Джумагул. — Мало учишься — мало пользы даешь. Я молодым темный был, а вы счастливые с детства. Школа, техникум, институт — все вам открыто. Советы вывели народ из тьмы к свету. За это Советской власти — рахмет!

Старый Джумагул Балгаев прикладывает руку к сердцу.

Е. МАРТЫНОВ.

АЛМА-АТА.

На снимке: семья Балгаевых. Фото Н. Степанова.